

ванию современного понимания картины мира. В этом аспекте русское религиозное сектанство позволяет проследить эволюцию духовных взглядов человека, изменение его мировосприятия. Это важнейшие изменения в сознании человека, которые являются неперенным компонентом модернизации.

1. Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991.
2. ГАСО. Ф.6. Оп. 4. Д. 85. Л. 27., 34.
3. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д.172. Л. 30.
4. ГАСО. Ф.6. Оп. 4. Д.244. Л. 1, 2, 4.
5. Здравомыслов А. Штундисты в Екатеринбургской епархии // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1910. Особое приложение к №28. Отдел неоф. С. 509.
6. Здравомыслов А. Штундо-баптисты в Беляковском приходе Камышловского уезда // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 28. Отдел неоф.
7. Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1983. С. 671.
8. Отчет екатеринбургского епархиального миссионера за 1901 г. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. №16. Отдел неоф. С. 344.
9. Отчет екатеринбургского епархиального миссионера за 1903 г. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1904. № 21. Отдел неоф. С. 603.
10. Отчет екатеринбургского епархиального миссионера о состоянии раскола и о деятельности противораскольнической миссии Екатеринбургской епархии за 1895 г. // ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 85. Л. 31.
11. Отчет Екатеринбургского Епархиального Миссионера за 1901 г. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. №15. Отдел офиц. С. 327.
12. Смолич К. И. История русской церкви. 1700-1917. Ч. 1. М., 1996. С. 179.

**Сперанский А.В.
(Екатеринбург)**

Системный кризис в СССР начала 1980-х: нарастание негативных тенденций в советской экономике*

Предшествовавший горбачевской перестройке период брежневского правления, закончившийся в начале 1980-х гг. системным кризисом, имеет очень неоднозначные и противоречивые оценки в советской и постсоветской исторической литературе. Начиная с 1970-х гг., еще в условиях существования Советского Союза и неограниченной власти КПСС, коммунистические иллюзии стали постепенно рассеиваться. На смену оптимизму хрущевской «оттепели», базировавшейся на идее «развернутого строительства коммунизма» и в политических заявлениях государственных лидеров, и в исторической литературе стали утверждаться довольно сдержанные сентенции, не

выходящие за рамки необходимости совершенствования «развитого социализма».

В исторической науке и в других областях гуманитарных знаний по-прежнему безраздельно господствовал историко-материалистический подход, на основе которого делались крайне политизированные выводы о том, что социализм в СССР активно развивается на собственной основе, а генеральная линия КПСС, направленная на совершенствование социалистической системы, успешно реализуется на практике.

Однако теоретические догмы все явственнее не совпадали с реалиями жизни, поэтому уже с конца 1970-х гг. в научной литературе стали появляться суждения об особенностях построенной в СССР модели социализма, приспособленной к экстремальным условиям конфронтации с «капиталистическим миром», чреватой постоянными военными угрозами. По мнению ряда специалистов, эта модель плохо адаптировалась в ситуации разрядки напряженности, и лишившись экстремальной основы своего существования стала давать серьезные сбои, выражавшиеся в замедлении экономического роста и отставании от ведущих стран Запада. Этот «застой на пути к коммунизму» предлагалась преодолеть, ликвидировав объективно возникшие неантагонистические противоречия на основе максимального использования достижений научно-технического прогресса. Именно эта точка зрения, проявившаяся в научной, в том числе и исторической, литературе на рубеже 1970-х – 1980-х гг., по нашему мнению, стала впоследствии отправной для начала перестроечных процессов. Она сохраняла иллюзию возможности совершенствования и сохранения социалистической системы в СССР. Подобного рода рассуждения можно встретить и в работах постсоветского периода, написанных в рамках марксистского понимания истории (1).

Однако, утвердившаяся в российской историографии после распада Советского Союза и крушения коммунистической идеологии, либерально-историческая интерпретация в осмыслении социально-экономических и общественно-политических процессов, проходивших в предперестроечный период, не разделяет историко-материалистического оптимизма. И в трудах западных советологов, таких как Н. Верт, Д. Боффа (2), и в российских работах либерального направления: учебных пособиях (3), коллективных монографиях (4), индивидуальных исследованиях (5), проводится мысль о всеобъемлющем характере системного кризиса социализма в СССР, не дававшем никаких шансов на спасение. Хрущевские преобразования не разрушили тоталитаризм, а лишь затушевали некоторые, самые уродливые его проявления. Продолжившая свое господство в стране партийно-государственная номенклатура, соблюдая свои корыстные интересы, подавляла любые либеральные проявления, как в экономической, так и в политической сфере. В период правления Л.И. Брежнева и его приемников, в СССР утвердился «неосталинизм», проявлявшийся в идеологическом диктате, усилении роли КГБ, подавлении любого инакомыслия. На этом фоне в стране царила соци-

альная апатия, лишавшая все надежды на реформирование социализма каких-либо реальных перспектив.

Системный кризис мобилизационной социалистической модели, проявившийся в СССР на рубеже 1970-х – 1980-х гг., отмечают и сторонники модернизационной интерпретации. В частности, А.Г. Вишневыский, в целом положительно оценивая советские реформы, позволившие России сделать в XX веке мощный рывок и стать вполне конкурентноспособной по отношению к ведущим странам Запада, подчеркивает, что в конечном итоге инструментальные цели преобразований вступили в конфликт с консервативными методами их осуществления. Это обусловило, по мнению автора, к концу «брежневского» периода некую имитацию позднеиндустриальной модернизации, характеризовавшуюся экстенсивными формами экономического развития, социокультурным разрывом между городом и деревней, распылением капиталовложений и крайней нехваткой материальных ресурсов (6).

Нам представляется, что оценки социально-экономической и общественно-политической ситуации, сложившейся в стране накануне перестройки, данные в исторической литературе, как с марксистских, так и с либеральных позиций, вполне соответствуют имевшимся тогда реалиям и в определенной степени дополняют друг друга.

Действительно, в начале 1980-х гг. СССР оказался в тяжелейшем кризисе, который охватил практически все основные сферы государственной жизнедеятельности. Сущность кризиса определялась:

- низкими темпами прироста производства;
- понижением уровня жизни населения;
- дискредитацией в общественном сознании коммунистической идеологии.

Кризисная ситуация в стране складывалась постепенно начиная с провала так называемой «широкой» экономической реформы, предпринятой в СССР с 1965 года по инициативе председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина. Реформа предполагала развитие советской экономики в двух основных направлениях:

- перевода промышленных предприятий на хозяйственный расчет (хозрасчет), предусматривавший предоставление им значительной самостоятельности в управлении, производстве и реализации продукции, получение прибыли и использование ее для расширения общественных фондов потребления (строительство жилья, социальных объектов, повышение заработной платы, премиальных и т.п.). Иными словами работники предприятий получали материальный стимул для увеличения количества и совершенствования качества результатов своего труда;
- интенсификации производственных процессов, которая должна была базироваться на реконструкции имевшихся предприятий, на совершенствовании всех звеньев управления производством, на повышении производственной квалификации трудящихся.

Первоначально реформа развивалась успешно и за годы 8-й пятилетки (1965-1970 гг.) прирост национального дохода страны составил 41%, что значительно превышало достижения всех предыдущих пятилетних планов. Однако постепенно экономические рычаги преобразований стали блокироваться бюрократической системой, господствовавшей в стране. Хозрасчет и интенсификация производства объективно подрывали монопольную власть партийно-государственной номенклатуры, вели к ее резкому количественному сокращению, что не могло не вызвать ожесточенное сопротивление. К сожалению, не желавшая расставаться со своими привилегиями партократия получила поддержку, как «снизу», так и «сверху». Основная часть рабочих, поставленная в условия реконструкции и необходимости совершенствования трудовых навыков, высказывала явное недовольство по отношению к «косыгинским преобразованиям», ломавшим годами отлаженные производственные процессы, заставлявшим переучиваться, да к тому же приводившим к материальным потерям. Достаточно прохладно к идеям «умника» Косыгина относился и Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, ревновавший к авторитету главы Правительства, утвердившемуся еще со сталинских времен. К тому же лидер правящей партии считал командно-административные методы управления наиболее правильными, доказавшими свою эффективность еще в годы предвоенных пятилеток, а экономические инновации Косыгина рассматривал, если не как отступление перед капитализмом, то по крайней мере, как уступки «частнособственнической психологии» не соответствующей поступательному движению советского народа к коммунизму.

К сожалению, А.Н. Косыгин не проявил твердости в отстаивании своих позиций, пошел на известные компромиссы с номенклатурой и консервативной частью населения, что в конечном итоге логично привело его к потере «премьерского поста», а страну к отказу от прогрессивных либеральных преобразований. В итоге в СССР полностью сохранились командно-административные методы управления экономикой, оставшейся в рамках экстенсивного развития. Усилился субъективизм в планировании, базировавшийся на идеологической конъюнктуре определявший реализацию дорогостоящих и малоэффективных проектов. К классическим примерам политизированного решения экономических проблем «брежневской эпохи» относятся строительство Байкало-Амурской магистрали, возведение Чебоксарской ГРЭС, разработка плана «поворота сибирских рек» и т.п.

Провал «широкой» экономической реформы стал началом деградации всей советской экономики, которая, лишившись материального стимула, стала медленно и верно сползать к неминуемой гибели. По оценкам российских и зарубежных ученых во второй половине 1970-х годов советская экономика оказалась в предкризисном состоянии, в первой половине 1980-х годов – вступила в полосу всеобъемлющего кризиса, во второй половине 1980-х годов – оказалась в трагической ситуации экономического хаоса, а в начале 1990-х – зависла над бездной экономической катастрофы.

Безысходное движение к логической развязке явственно демонстрируют цифры падения прироста национального дохода СССР за четыре последние пятилетки:

- по итогам 8-й пятилетки (1966-1970 гг.) прирост национального дохода, как уже отмечалось выше, составил 41%;
- к концу 9-й пятилетки (1971-1975 гг.) – 27%;
- за 10-ую пятилетку (1976-1980 гг.) – 21%;
- за 11-ую пятилетку (1981-1985 гг.) – 17%.

Таким образом, за 20 лет (из них 18 лет брежневского правления), предшествующих перестройке, прирост национального дохода СССР сократился более чем в 2 раза!

Кризис в экономическом развитии страны имел нарастающий характер и постепенно охватывал все сферы производства, даже те, которые находились в зоне особого правительственного внимания и считались основой могущества коммунистической сверхдержавы. СССР начал стремительно терять свои экономические позиции на международной арене, негативные явления стали проявляться даже в «святая святых» советской индустрии – военно-промышленном комплексе.

Однако господствующая в стране геронтократия была не способна коренным образом повлиять на плачевное положение и изменить его в лучшую сторону. Консерватизм и косность мышления, инертность практической деятельности определяли сущность этой дряхлеющей власти, заставляли ее действовать по принципу «после нас хоть потоп».

Конечно, время от времени предпринимались попытки стабилизировать ситуацию и как-то воздействовать на выходящий из под контроля процесс развала экономики. Однако все эти потуги не выходили за рамки командно-административных мер и в итоге не давали нужного эффекта.

К таким попыткам, направленным на наведения порядка в стране, относятся энергичные действия Ю.В. Андропова, сменившего на посту Генерального секретаря ЦК КПСС, скончавшегося «верного ленинца», «теоретика марксизма-ленинизма» и «пламенного борца за мир», четырежды Героя Советского Союза Л.И. Брежнева. Андропов первый из коммунистических лидеров взял на себя смелость открыто заявить о наличии «некоторых негативных явлениях в советской экономике». Сначала в ряде устных выступлений, а затем и в теоретической статье, опубликованной в журнале «Коммунист», новый Генеральный секретарь попытался проанализировать экономическую ситуацию, сложившуюся в стране к началу 1980-х гг., определить допущенные ошибки и найти пути решения возникших проблем.

Практическим выражением теоретических выкладок, сделанных Ю.В. Андроповым, стал ноябрьский Пленум ЦК КПСС 1982 года и последующая вслед за его решениями кампания по наведению порядка в стране. Главной причиной негативных явлений возникших в советской экономике Пленум

определил нарушения трудовой дисциплины на производстве. Поэтому все мероприятия, осуществляемые в рамках развернутой кампании, носили традиционный для СССР директивный и командно-административный характер. «Закручивание гаек» выразилось в жестких мерах направленных на борьбу с простоями, прогулами, пьянством на производстве. Нарушавших трудовую дисциплину исключали из различного рода очередей (на квартиру, на машину, на мебель), лишали «тринадцатой зарплаты», путевки в дом отдыха и других дефицитных социальных благ. На предприятиях создавались специальные комиссии, контролирующие соблюдение режима работы, на улицах действовали специальные бригады, выявлявшие людей покинувших производство в рабочее время. Первоначально меры подобного характера имели временный эффект и способствовали укреплению трудовой дисциплины на советском производстве. Однако эпоха «командования и администрирования» уже давно прошла, а усиления материального стимула к качественному и производительному труду «реформы» Андропова не предусматривали. Они носили поверхностный характер и никак не влияли на устранение главных тормозов в развитии советской экономики: командно-административной системы управления, плановости в осуществлении народно-хозяйственных задач, экстенсивности производственных процессов.

В результате все оставалось по прежнему, а административный ресурс воздействия на экономику быстро иссяк, чему способствовала и скорая кончина Ю.В. Андропова. Попытки выполнить задачи 11-й пятилетки закончились полным провалом. Вместо запланированных 20% прироста национального дохода, достигли лишь цифры в 17%. Не выполнили плановые задания ведущие отрасли советской индустрии: металлургия, машиностроение, химическая промышленность. Во весь рост встала проблема качества выпускаемой продукции. Основной показатель советской экономики – валовый продукт, активно способствовал тому, что в погоне за количественными данными, руководители предприятий практически игнорировали качественные характеристики выпускаемой продукции, что способствовало формированию удивительного экономического феномена, когда при видимом избытии товарной массы существовал острый потребительский дефицит. На рубеже 1970-х – 1980-х гг. металлургия СССР выпускала металла вдвое больше, чем американская, однако более 50% этого стратегически важного продукта из-за низкого качества уходило в стружку при металлообработке. Советский Союз в 6 раз превосходил США по выпуску сельскохозяйственных машин (тракторов, комбайнов и т.д.), но несовершенство этих изделий обуславливало ситуацию, когда в разгар уборочных или посевных работ более 60% машинно-тракторного парка нуждалось в частичном или капитальном ремонте. Не лучше дела обстояли и в легкой промышленности. К примеру, обувные фабрики СССР производили обуви в 3 раза больше, чем их американские визави, однако и по внешнему виду, и по эксплуатационным харак-

теристикам значительно уступали им, что отпугивало покупателя, приводило к затовариванию не реализованной продукции.

Такое положение дел наносило тройной удар по советской экономике, а значит, расшатывало и устои всей социалистической системы, оказавшейся не способной обеспечить населению страны высокий уровень потребления. Первый удар заключался в том, что на производство товарной массы тратились огромные деньги, обеспечивавшие добычу необходимого сырья, изготовление продукции, ее складирование и наконец реализацию через систему государственных магазинов. Однако низкое качество предлагаемой потребителю продукции не могло обеспечить необходимого уровня продаж, в результате чего не только не достигалась рентабельность, но и не окупались расходы затраченные на ее производство. К концу правления Л.И. Брежнева на складах готовой продукции покоилось залежалого и никому не нужного товара на 60 млрд. руб. Острый потребительский дефицит порождал и второй удар по социалистической системе – социальный. Сущность его заключалась в том, что проявляя неспособность к насыщению потребительского рынка качественными товарами, советское государство оказалось бессильно и в плане выполнения контрольных функций. Тотальный дефицит качественных товаров порождал «черный» рынок, где по спекулятивным ценам реализовывалась главным образом импортная продукция. В стране формировалась разветвленная сеть подпольных цехов, производивших «имитацию» изделий ведущих западных фирм и реализовывавших их через «черный» рынок, в обход действующих тогда законов, успешно избегая контактов с контрольно-карательными органами. По оценкам некоторых экономистов так называемая «теневая» экономика СССР давала не менее 25% от всей выпускаемой в стране продукции.

Не менее серьезным по своим последствиям был и третий удар – идеологический. В сознании большинства населения исподволь утверждалась понимание того, что любой произведенный на западе товар значительно конкурентноспособнее отечественного аналога, а вслед за этим объективно формировались представления о более эффективном функционировании западных социально-экономических и общественно-политических моделей. Эти стереотипы, подтверждающиеся реалиями жизни, было уже невозможно разрушить никакими идеологическими догмами и штампами.

В рамках 11-й пятилетки не была до конца выполнена ни одна социальная программа. В стране остро стояли жилищная и продовольственная проблемы, много нерешенных задач имелось в сферах образования и здравоохранения, не удовлетворяла потребностей населения работа общественного транспорта.

Провал всех попыток предотвратить или хотя бы замедлить системный кризис социалистической государственной модели, обуславливался еще и рядом объективных моментов, негативно влиявших на экономические про-

цессы. Начиная с 1970-х гг. в СССР наблюдался демографический кризис. Резкое снижение рождаемости приводило к тому, что за 9-ю, 10-ю, 11-ю пятилетки разница между людьми вновь пополнявшими производство и уходившими на пенсию в среднем составляла 8 млн. человек. Это создавало резкую нехватку рабочих рук, что в условиях экстенсивного развития экономики грозило непредсказуемыми последствиями.

С середины 1970-х годов обозначился и так называемый «сырьевой голод» советской экономики. Старая промышленная политика, основанная на функционировании предприятий в непосредственной близости от сырьевого источника, стала давать серьезные сбои в силу истощения близлежащих природных богатств. Возникла необходимость поиска и разработки новых месторождений, а также транспортировки вновь найденных полезных ископаемых на очень длительные расстояния, что приводило к тройному удорожанию сырья и крайне негативно сказывалось на ритмичности производственных процессов в советской промышленности.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что в конце 1970-х – начале 1980-х гг. «холодная» война СССР с Западом вступила в новую фазу своего развития. Изматывающая гонка вооружений требовала от советской супердержавы на удовлетворении военных нужд только по официальным данным не менее 17% от всего государственного бюджета ежегодно. Если же учитывать все отрасли советской индустрии скрыто или полускрыто работавшие на укрепление обороноспособности СССР, то цифра будет несравненно выше. Политическое, экономическое и идеологическое противостояние с Западом заставляло советское руководство лелеять главным образом военно-промышленный комплекс, сосредотачивать здесь основные финансовые средства, лучшие научные, инженерно-технические и рабочие ресурсы силы. В то же время другие индустриальные отрасли, аграрный сектор, социальная сфера и область культурного развития, поставленные в условия остаточного принципа финансирования, деградировали и постепенно приходили в состояние полного упадка.

Ю.В. Андропов, будучи «плоть от плоти» порождением командно-административной системы не понял и объективно не желал понимать глубину системного кризиса разразившегося в стране, поэтому все его директивные реформы были обречены на провал. Однако исторической заслугой этого человека является то, что он первым из коммунистических вождей обратил пристальное внимание на наличие негативных явлений в советском социуме и публично заявил об этом. Вопрос был поставлен «ребром», поэтому новому руководству Советского Союза, пришедшему к власти весной 1985 года, уже нельзя было отмахнуться от назревших проблем. Их нужно было решать на основе «нового мышления», кардинально реформируя и перестраивая все структуры громоздкого механизма, отжившей свой век социалистической системы.

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ-7455. 2006.

1. История СССР. Эпоха социализма / Под ред. Ю.С. Кукушкина. М., 1985; Сталин – Хрущев – Брежнев: Проблема политического лидерства в советском обществе // Общественные науки. 1989. № 1; На пороге кризиса: Нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990; Мунчаев Ш.М., Устинов В.В. История России. М., 2000; Маркова А.Н., Скворцова Е.М., Андреева И.А. История России. М., 2001.
2. Верт Н. История советского государства. 1900-1990 гг. М., 1992; Боффа Д. История Советского Союза. Т. 1-2. М., 1995.
3. Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. М., 1995; Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. Россия. XX век. М., 2000; Выбор пути. История России. 1939-2000 / Под ред. А.Т. Тертышного. Екатеринбург, 2001.
4. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Под ред. Ю. Афанасьева. М., 1997.
5. Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945-1991 гг. М., 1998; Земцов В. Крах эпохи. М., 1999.
6. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Суржикова Н.В.
(Екатеринбург)

**Реалии плена 1914-1917 гг. в контексте
трансформаций власти и общества
(на материалах Уральского региона)**

Вплоть до конца XX в. иностранные военнопленные, поневоле оказавшиеся на территории России в результате Первой мировой войны, в качестве самостоятельного объекта исследования практически не изучались, равно как и институции, порожденные практикой плена. Концентрация научного интереса вокруг героических страниц революционной борьбы пленных породила обширную историографию о воинах-интернационалистах (1), в которой реалии плена обозначены весьма избирательно.

Представления советской исторической науки о роли пленных иностранцев в революционном движении в России, изрядно «заболоченные» атаквистическими идеологизмами, подверглись в последние годы серьезной корректировке (2). Современные авторы, по сути, наполнили эту проблему иным содержанием, показав, что русский плен во многом был отражением системного кризиса империи, отчетливо обозначившегося на фоне затянувшейся войны.

Интегрирующим фактором для специальных исследований ретроспективной проблематики стало позиционирование плена как некой динамики